

Демидова
Алла Сергеевна

04.06.96

Четыре года назад Алла Демидова - в поисках выхода из творческого кризиса - создала Театр «А». Он заявил о себе изысканным спектаклем - «Квартет» Хейнера Мюллера в постановке греческого режиссера Теодора Терзопулоса.

Актриса играла его в дуэте с Дмитрием Певцовым на Малой сцене Таганки. Театр «А» арендовал ее за двадцать процентов от сборов. Когда пришло время искать другое помещение, оказалось, что это не по силам небольшой труппе. Повышать же стоимость билетов никак нельзя, поскольку театр рассчитан на интеллигенцию и студентов. И о демидовском театре какое-то время не было слышно. Впрочем, он и сегодня

ИМЕНА

Алла Демидова вне Таганки

Рос. Вест. - 1996. - 4 июня. - с 3.

- между небом и землей. Спектакли этого театра можно увидеть только в других странах - на фестивалях.

Но вот на Втором чеховском международном театральном фестивале показана совместная постановка Театра «А» и афинского «Атис» - «Медея». Два автора - Еврипид и Мюллер. Исполнительница - Алла Демидова.

- Почему вдруг «Медея» и снова Терзопулос? - спросила я Аллу Сергеевну при встрече.

- Нам с Теодором хотелось работать вместе. Он предложил ставить «Медею-материал» Хейнера Мюллера. Мне это было интересно, и я прилетела в Грецию. Мы соединили Мюллера с двумя монологами из еврипидовской «Медеи» и за месяц с небольшим сделали спектакль. Я сыграла его десять раз в Афинах. Критика была хорошей. Постановка признана одной из лучших сезона. Однако показывать ее в Москве я, откровенно говоря, боюсь.

- Чем объяснить ваше опасение?
- Наша публика привыкла к совсем другой манере игры. Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что русский психологический театр идет как бы в глубину и развивается. Во всем мире к нему повышенный интерес, как в свое время - к нашему классическому балету. А плохо, так как в драме мы пропускаем

целое направление актерской игры, как в балете - модерн.

- О какой школе актерской игры вы говорите?

- Ну вот пример. На нынешнем фестивале я посмотрела «Дневник Вацлава Нижинского» с одним из самых прекрасных, на мой взгляд, актеров мира. Это Реджеп Митровица. Его спектакль длится больше часа и идет без перевода. Для публики, привыкшей следить за сюжетом, это скучно. Для тех, кто любит мизансцены, тоже скучно, потому как актер сидел все время за столом и ни разу не встал. Но для зрителей, любящих театр энергетики, театр концентрации актера на внутренней партитуре образа, о чем сейчас много пишут и говорят, но не всегда понимают, что это такое, спектакль Митровицы оказался завораживающим. В нем огромное поле притяжения.

- Свою роль вы тоже концентрируете на внутренней мысли?

- Именно так. Но в спектакле есть еще красивые мизансцены, свет и музыка. Играя его подряд, я заметила любопытную особенность: когда я была в форме, а мои чувства - адекватны чувствам героини, и я, как мне казалось, играла хорошо, Терзопулос говорил мне, что сегодня спектакль шел неправильно. Когда же уставала, плохо себя чувство-

вала, но шла по внутренней партитуре разработки роли, ее внутренних энергетических изменений и концентрировалась почти на вещах технических, режиссер говорил: играть надо так, как сегодня. И я поняла, что наша психологическая школа, когда мы исходим из своих чувств, - не для таких ролей, как Медея, и не для древнегреческой трагедии. Я ведь не Медея и мои чувства - не ее чувства, как бы они ни совпадали.

- Алла Сергеевна, вы всегда утверждаете, что надо оправдывать любую роль. Медею оправдываете тоже?

- Конечно. Когда я летела в Афины, мне говорили: да ты с ума сошла, разве можно оправдывать Медею, она же детей своих убивает! Но ведь Еврипид в монологах Медеи говорит, что она отдала своих детей Солнцу - своему деду (ведь она, как, кстати, и Федра, - внучка Солнца), и они у него, в другой жизни, познают счастье. Медея себя наказывает этой жертвой - она никогда больше не увидит своих детей. Трагедия в этом. И, конечно, не в ревности. Трагедия - в предательстве. Медея изначально предает родину, отца, брата. Этот ее грех и вернулся в десятикратном размере в лице Ясона. Она хорошо это понимает. Этот акцент я и стараюсь играть. Единственное слово,

которое не могу произнести в спектакле, - это пр... пре... пред... «предательство»...

- В памяти многих московских театралов живет Медея в исполнении великой Аспасии Папатаnasiу. Вы не встречались с ней в Афинах?

- Встречалась. Аспасия Папатаnasiу, действительно, для всех, кто видел ее тогда, в шестидесятые годы, на сцене, - живая легенда. Представьте мое волнение, когда я узнала, что она пришла ко мне на спектакль. Мне казалось, что Папатаnasiу не примет мою работу - иная школа игры. Но она пришла за кулисы и поцеловала мои руки. Это меня потрясло.

- Вы начинали работу над Медеей еще с Юрием Петровичем Любимовым. Почему ушли из его спектакля?

- Как всегда, много превосходящих обстоятельства. Так, например, со временем я поняла, что не доиграла «Электру». Там было много внешнего темперамента. Но я ведь никогда не спорю с режиссером.

- В своем дневнике, опубликованном в «Московском наблюдателе», вы, Алла Сергеевна, приводите слова Любимова: «Алла, перестаньте держать передо мной экзамен, вы его давно выдержали». Видимо,

ученичество у вас в крови?

- Видимо. Но продолжу об Электре. Крик - не для меня. Я актриса скорее тихих тонов, полупшепота. Не могу выражать себя в ярких, громких красках.

- А как же Спиридонова в «Шестом июле»?

- Этот фильм был снят слишком давно.

- И что же с любимовской «Медеей»?

- Помню, как это начиналось. Мы сидели с Любимовым, господином Лабраксисом, который давал деньги на «Электру», и с переводчицей, обсуждали дальнейшие планы. Речь зашла о Брехте и его «Мамаше Кураж». Я отказалась, так как не очень люблю Брехта. Возникла идея «Медеи». Само собой подразумевалось, что играть ее буду я. Однако, когда было уже готово оформление Давида Боровского и стало приблизительно ясно направление будущего спектакля, я почувствовала, что не должна идти по этому пути. Так случилось, что к этому времени я заболела и возникла ситуация, когда при обоюдном согласии мы как бы разошлись.

- Навсегда?

- Не знаю. Человек не вправе сам так решать. Неизвестно, как судьба повернется.

Лидия НОВИКОВА.